

«...ИМ НУЖЕН УЧИТЕЛЬ-ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ...», или Как последний секретарь Льва Толстого обучал грамоте цыганских детей / Елена Трухан // Литературная Россия. 2017. 2 июня (№ 19).

Свежий номер №19. 2 июня 2017

«...ИМ НУЖЕН УЧИТЕЛЬ-ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ...», или Как последний секретарь Льва Толстого обучал грамоте цыганских детей

130-летие со дня рождения и 50-летие со дня смерти Валентина Фёдоровича Булгакова послужили поводом к открытию в новокузнецком литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского выставки из фондов Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая – ГМИЛИКА (г. Барнаул). В экспозиции разместились 70 подлинных экспонатов, переданные в 2000 году барнаульским хранителям старины дочерью писателя Татьяной Валентиновной Романюк и проливающие свет на ранее не известные страницы его творческой биографии.

В историю литературы и культуры Валентин Булгаков (1886–1966) вошёл как последний секретарь **Льва Толстого**, преданный последователь его идей и основатель толстовских музеев. Одарённый мемуарист и очеркист, фольклорист и этнограф, коллекционер и музейный работник, лектор и экскурсовод, исследователь 22-тысячной библиотеки «великого старца», автор порядка 10 книг и 70 статей, – Булгаков заявил о себе во многих отраслях гуманитарного знания. Стал он и первооткрывателем темы «Достоевский в Кузнецке». Одноимённая статья, значительно расширившая литературоведческие и

литературно-краеведческие горизонты, была опубликована им в иллюстрированном приложении к газете «Сибирская жизнь» в 1904 году, когда начинающий литератор ещё получал классическое образование в Томской мужской гимназии.

Но жизнь Валентина Фёдоровича не исчерпывалась многочисленными гуманитарными пристрастиями. Сегодня мало кто вспомнит и напишет о том, что он занимался ещё и **педагогической деятельностью**, как когда-то его отец, штатный смотритель училищ Бийского и Кузнецкого округов Томской губернии, как когда-то его духовный наставник и кумир Л.Н. Толстой. Известно, например, что в 1949 году в Западной школе Косогорского района Тульской области В.Ф. Булгаков вёл у школьников среднего звена уроки немецкого языка. И параллельно вдруг начал обучать грамоте... цыганских детей!

О таком удивительном факте сообщают два музейных экспоната – машинописный учительский отчёт, выполненный на полупрозрачной кальке, и неопубликованная рукопись с авторскими правками «Цыгане за учёбой».

Четыре страницы учительского отчёта от 23 марта 1949 года – это данные за третью четверть о работе 1 Г класса, куратором которого являлся Валентин Булгаков. Здесь содержится информация о «всеобуче», успеваемости, внеклассной работе, а также некоторые замечания и выводы учителя по поводу специфики контактов с особой ученической аудиторией. Скупую строку отчётности расцветчивает личный учительский дневник «Цыгане за учёбой», созданный в 1949 году в знакомой нам по мемуаристике булгаковской манере: подробной, скрупулёзной фиксации живых наблюдений, драгоценных деталей, имён, событий, собственных размышлений, некоторых результатов педагогической работы. Твёрдый переплёт, прошитый блок и прочная ледериновая обложка от немецкой компании «Franz Schmidt» в Бад-Фрайенвальде (что подтверждают типографские оттиски на чётных страницах), превращают обычную общую тетрадь в добротную рукописную книгу, в летопись небывалого образовательно-воспитательного эксперимента.

Искренние дневниковые записи и официально-деловой документ существенно дополняют друг друга. Они словно созданы для того, чтобы оставить потомкам **первый в советской педагогике опыт обучения цыган в специально созданном классе на русском языке**. Опыт, основанный на главных принципах толстовской школы, как подтвердит в середине рукописи читательские догадки сам Булгаков...

Валентин Булгаков в музее Толстого в Ясной Поляне

Вслед за Толстым, Валентин Фёдорович приступает к обучению цыганских детей «с чистого листа», руководствуясь не какой-то насаждаемой сверху новомодной методикой, а профессиональной интуицией и практикой. Поэтому «Цыгане за учёбой» создаются им как красноречивое воплощение толстовской мысли о том, что каждая школа «должна быть и орудием образования, и вместе с тем опытом над молодым поколением, дающим постоянно новые выводы».

Надо сказать, что Яснополянскую школу для крестьянских детей Толстой организовывал как единственную в своём роде педагогическую лабораторию, где он сам мог не только обучать, но и экспериментировать, творить. Для «чистоты экспериментов» Лев Николаевич ездил за границу (в Германию, Францию, Бельгию,

Англию, Италию) и пристально изучал основы народного образования. Он специально посещал уроки **Адольфа Дистервега, Фридриха Фрёбеля**, лично беседовал с ними. Замечательно, что встречи и впечатления тщательно протоколировались им в личном дневнике.

Спустя почти 100 лет по стопам великого классика и педагога пошёл и Валентин Булгаков, всегда ощущавший себя последователем толстовских идей, в том числе – в педагогической практике. Поэтому, думается, неслучайно в качестве экспериментальной площадки вновь была избрана школа в Тульской области, только не Яснополянская, а Западная. И вполне закономерно, что под пером пытливого педагога-исследователя вновь засиял именно дневниковый жанр...

«Только когда опыт будет основанием школы, – писал Толстой в статье 1860 года «О народном образовании», – только тогда, когда каждая школа будет, так сказать, педагогической лабораторией, только тогда школа не отстанет от всеобщего прогресса, и опыт будет в состоянии положить твёрдые основания для науки образования». Написанные честно и искренно, не познавшие грубой «чистой» шлифовки, дневниковые записи В.Ф. Булгакова и есть, пожалуй, жизнеописание той самой «педагогической лаборатории», за которую всей душой радел Лев Николаевич. Авторская прямота, откровенность и чистосердечие, присущие исповедальным запискам Булгакова-педагога, придают этой рукописи особую ценность.

Безыскусная и правдивая хроника «Цыгане за учёбой» стала в полной мере и профессиональным уроком её автора. Уроком, который он ежедневно, на протяжении нескольких месяцев, выучивал вместе со своими трудновоспитуемыми школярами. Уроком, который давался ему с большим трудом и напряжёнными нервами, так, что «тяжело было на душе», а домой возвращался «усталый, выпотрошенный». Уроком, ввергавшим в отчаяние и побуждавшим вовсе отказаться от дерзкого проекта: *«Трудно вогнать цыган в школьные рамки! Посмотрю, что будет в ближайшие дни. Может быть, придётся и прекратить эту попытку привлечь цыган к образованию»*... Но так или иначе, именно тем уроком, который закаляет профессиональные черты характера, способствует кристаллизации лучших личностных качеств.

Проявить себя в качестве цыганского учителя Валентину Фёдоровичу довелось уже на склоне лет («Папе – 63 года», – сделает пометку карандашом на обороте фронтисписа учительского дневника Татьяна Романюк). Но, несмотря на столь солидный возраст, он взялся за «интересное дело», как когда-то основатель Яснополянской школы для крестьянских детей. Взялся не по чьей-то указке и не «в нагрузку», а по собственной воле, с большим энтузиазмом, располагая силами, временем и желанием:

«Сегодня (14 января 1949 года. – Т.Е.) около 12 ч. дня я отправился в скромный «кабинет» директора с маленьким деревянным некрашеным столиком и двумя некрашеными же табуретками и предложил свои услуги в качестве учителя у

цыган. В школе у меня только 4 часа немецкого языка в неделю в 5 классе. Времени, значит, в моём распоряжении достаточно, а «дело интересное»!..»
Идея окультурить цыган, дать им азы разных наук была очень близка В.Ф. Булгакову. Можно сказать, даже заманчива. Не зря в «Цыганах за учёбой» он внезапно проговаривается: «А задача – сделать из дикарей-ребят культурных и хоть что-нибудь знающих людей – меня интересует». Но потом, словно опомнившись или удивившись чрезмерной прямолинейности собственных желаний, аккуратно вычёркивает лишние строки.

Кочевая цыганка с детьми. 1949 год

Работу с необычной детской аудиторией учитель начинает с изучения внешней среды, с тех мест, где живут его подопечные. Уже первая запись освещает предпосылки появления цыган в тульской стороне, очерчивает общую ситуацию: «С осени, приблизительно с конца октября, поселилась на нашем посёлке большая группа цыган, работающих на стройке и в шахтах «Скуратовугля». Дали им помещение бывшей народной столовой, переведённой в новое здание: сараеобразную, холодную, хоть и с печкой, построечку, где новые постояльцы и расположились в большой тесноте. Тут появились на наших улочках и закоулках, вокруг здания семилетки, пожилые и молодые, иногда довольно красивые цыганки. Пёстрые длинные юбки, шали на плечах, живописно-растрёпанные волосы и предложения всем бабам – «погадать». Иные на это шли и с улыбкой выслушивали напряжённый таинственный шёпот египетских вещуний...»

Открытие особого класса было «подогрето», как сейчас говорят, социальным заказом. В школу то и дело стали приходить цыганята с горячими просьбами пустить их учиться.

«– Ты – директор? Ты – директор? – спрашивал он возбуждённо. – Пустить меня в школу, я хочу учиться!»

Глаза его горели.

...Едва скрылся один паренёк, как объявился другой, тоже с просьбой о принятии в школу:

– Прими! – страстно шептал он: я тебе чечётку буду плясать даром!»

Как водится, образовательный эксперимент сначала был одобрен районо, затем – поддержан директором, которого «растрогала решимость» будущего классного руководителя, и, наконец, удивлённо-восторженно принят в школьной среде. *«Такой простой шаг возбуждает настоящую сенсацию»,* – замечает Булгаков в дневнике. Он вспоминает, как любопытные русские приходили целыми группами смотреть, где и каким образом обучаются цыгане, а одна из учительниц, возвратившаяся с районного совещания, сообщила, что известие об открытии цыганского класса произвело фурор среди педагогов других учебных заведений. Смелый шаг Западной школы даже назвали «настоящей эк-зо-ти-кой». И действительно, многим трудно было понять, как можно обучать детей, находящихся под сильным влиянием улицы, полудикой среды. Детей, чьи матери подчас не могли указать год рождения своего чада, чьи семьи спали под одним тёплым одеялом. *«Жизнь до последней степени бедная и жалкая! Хочешь воскликнуть: «бедные цыгане», но... не знаешь, какими они сами себя считают. Ведь эта бедность тянется испокон веков и перекинулась даже в эпоху социализма»,* – резюмирует свои размышления о новых воспитанниках и их окружении В.Ф. Булгаков. Бесспорно, его очень волнует вопрос: «почему они не могут или не хотят из неё выйти?». Ответ на него следует искать в рукописи «Цыгане за учёбой».

Достаточно подробно и с большой любовью Булгаков пишет про обустройство будущего учебного помещения, ведь создание «духа школы», то есть естественной, здоровой и доброжелательной обстановки, он, как и Л.Н. Толстой, считал первейшим делом в пробуждении интереса к обучению. О нехитрых преобразованиях и скудных вложениях, на которые пошла школа, чтобы обеспечить учебный процесс, Булгаков писал так:

«В виде класса дали мне вторую, ныне запертую переднюю, выходящую на парадный подъезд, который у нас не используется. Это – небольшая и довольно светлая комнатка, с двумя окнами. К сожалению, от запертой двери, помещающейся между двумя окнами, зимой сильно тянет. Комнатушка, вообще, холодная, хотя и есть в ней печь... Стеклянные двери, выходящие в общий, людный коридор, мы забрали картоном. Вместо парт, которых нет, мне дали два

квадратных стола, две на живую руку сколоченных деревянных скамейки и две табуретки. Столы я составил рядом».

Но и это много стоило, ведь события рукописной книги, как мы помним, разворачивались в первые послевоенные годы. В классе в кратчайшие сроки была проведена ревизия печного отопления, найдена грифельная доска, и, конечно, устроена генеральная уборка.

Наглядные материалы, учебные пособия и плакаты по политическому воспитанию оказались столь же скудны, как и школьная мебель. Учитель собирал их в других классах, извлекал из дальних углов, давал вторую жизнь. Благодаря его стараниям у 1 Г появились: портрет Сталина, «который подклеил и вставил в рамку», красочный плакат с гербом Советского Союза и с патриотическим лозунгом, таблица со всеми буквами азбуки, арифметическая таблица сложения чисел, кусок мела и несколько крупных букв на отдельных квадратиках картона. Из личного домашнего архива Валентин Фёдорович принёс «портрет Л.Н. Толстого, читающего газету, – по рисунку Пастернака». Видя энтузиазм, с которым педагог взялся за дело, одна из учительниц второго класса передала «девять букварей, замазанных, растрёпанных, как те дети, для которых они предназначались, но всё же годных к употреблению».

В итоге, вместо предполагаемых девяти учеников-цыган, у Булгакова сформировался класс сначала из тринадцати, а в конце четверти – из шестнадцати человек. Образ 1 Г «дорисовывает» отчёт Валентина Фёдоровича. Разновозрастная аудитория (от 7 до 15 лет), в основном – мальчишки. Большинство из них были детьми чернорабочих-строителей, один – сыном кузнеца и ещё один – сыном гадалки. «Комсомольцев и пионеров среди них нет, так как пришли они в школу с культурным уровнем «первобытным». Второгодников тоже нет: дети начинают ученье с «азов», – констатирует учитель. От его зоркого взгляда, конечно, не ускользают и русские имена учеников (Петя, Вася, Стёпа, Савелий, Дмитрий, Маруся, Рая) и их одинаковая, непривычная для слуха, фамилия – Оглы.

Классная работа начинается с тренировки элементарных навыков: «показываю, как положить локоть, как держать перо». Затем педагог постепенно усложняет задачу: «пишу сначала прямые палочки, потом палочки с загибом наверху и внизу и, наконец, букву и (соединение двух палочек с загибом внизу)».

Вид выполненных цыганами заданий просто шокирует! Но учитель не теряет самообладания: *«Цыгане пишут. Но – Боже! – что это за писанье! Во-первых, от большого старанья пролили три чернильницы и залили весь стол и свои листки. Во-вторых, хотя на листках были написаны сверху их имена и фамилии, они обычно перевёртывали эти листки «вниз головой» либо боком. Начинали писать то из одного угла, то из другого, то прямо посередине. Писали по строчкам и между строчками. Словом, видно было, что принимались за работу, совершенно новую для них. Я обходил их всех, показывал и поправлял».*

Для цыган следовало не только обустроить класс, но и подобрать эффективные методы обучения. В этом поиске Булгаков, как и Толстой, руководствовался принципами сознательности, доступности и активности, прослеживал связи обучения с жизнью и природными явлениями, заботился о прочности усвоения знаний и установлении межпредметных связей. Но если в Яснополянской школе Л.Н. Толстой, стремясь создать новую педагогическую систему, разработал собственную образовательную программу из 12 предметов, то учебный курс цыганского класса в Западной не отличался от традиционного и состоял из 6 обязательных дисциплин: русский язык письменный и устный (чтение), арифметика, рисование, пение, физкультура... Словом, всё то, что хорошо знакомо воспитанникам советской начальной школы.

Чтобы дети научились красиво и грамотно изъясняться, преодолели узкие рамки дворовых штампов и окриков, избавились от матерщины и скудости лексикона, Валентин Фёдорович предложил им учиться связному рассказу, используя в качестве объекта описания картины («Горы в Сванетии», «Птичий базар» и другие). Таким образом, список школьных предметов органично пополнился развитием речи, или «художественным рассказыванием», как называл его Толстой. Этот метод с успехом применялся автором «Войны и мира» на уроках истории, географии, литературы; его он активно внедрял в прогулки, беседы, экскурсии. Не отставал от своего учителя и Валентин Булгаков. Желая овладеть творческим методом работы, он организовал специально для цыганят экскурсии в Яснополянский музей Л.Н. Толстого, чем снискал уважение и детей, и их родителей.

Особое внимание в рукописи отводится урокам внеклассного чтения. Под руководством педагога ребята знакомились с русской и зарубежной классикой. В списке литературы стояли произведения устного народного творчества, «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о царе Салтане» А.С. Пушкина, «Рике-Хохолок» Шарля Перро, «Кавказский пленник» и «Лев и собачка» Л.Н. Толстого, «Ванька» А.П. Чехова, рассказы А.Т. Кононова – «Ленин и мальчик», «Ленинская бумага» и др. Согласно толстовским рекомендациям Булгаков старался отбирать учебный материал, который был интересен и полезен детям, соответствовал их возрасту. Но результаты подобного эксперимента не всегда отличались предсказуемостью. В рукописи встречаются тонкие наблюдения о читательских предпочтениях цыган. Они непонятны педагогу, но, тем не менее, он пытается объяснить их:

«Странно, что совершенно «детская» Сказка о Красной Шапочке нравится им больше, чем «Золушка», «Кот в сапогах», «Мальчик-с-пальчик». Кажется, потому, что тут – чистая, наивная фантазия, без интеллигентской выдумки (как в переведённой с французского сказке Шарля Перро «Рике-Хохолок», совершенно им не понравившейся)».

Чтение, даже внеклассное, не попадает в список любимых цыганских предметов. Его заслоняют физкультура и рисование. *«Благодарно перерисовывают всё, что только*

нарисуешь им на доске: квадрат с узором, лопату, ведро, грабли, топор», – подмечает педагог и тут же старается осознать, почему так происходит. Почему слово (будучи основным инструментом образования и воспитания) оказывается не привлекательным, не действенным для цыганских детей?

Действительно, Булгакову очень сложно было подобрать те нужные слова, которые бы «не понуждали, а побуждали». Он использует целый спектр вербальных возможностей: от простого информационного сообщения, доступного рассказа, бытового разговора, просьбы, индивидуальной и коллективной беседы с учениками и их родителями до замечания, внушения, увещания, нотации, окрика... А когда и они исчерпываются, прибегает к самым крайним мерам: пересаживанию ребят на другие места, внеурочному посещению цыганских семей, «энергичным крикам», «хватанью за шиворот», разниманию драк и удалению из класса нарушителей дисциплины. Но даже и эти средства плохо помогают в непримиримой борьбе против цыганской болтовни, смешков, тычков, затрещин, воровства, переворачивания столов, драк...

Пробудить любознательность первоклассников и стабилизировать дисциплину Валентину Фёдоровичу удаётся разве что с помощью организации соревнования, создания атмосферы товарищеского соперничества. В этом ему помогла действующая 5-балльная система оценок, мера необходимая и очень действенная. Дело в том, что в процессе общения выяснилось: цыгане «очень тщеславны». Булгаков определил тщеславие как доминантную национальную черту. Он уяснил, что оценки для его воспитанников являются тем особым стимулом (по его выражению – «обоюдоострым оружием»), который в силах разжечь интерес к учёбе и повысить качество запоминания нового материала: *«Сегодня ставил отметки за знание букв, показываемых каждому по одиночке и потом – на проверку – всем... Читали и писали охотно».*

Ещё одним продуктивным методом удержания ученического внимания стало регулярное, продуманное повторение изучаемого. В булгаковской рукописи мы знакомимся с выработанной им системой запоминания букв с использованием специальных картонных карточек. Этапы этого процесса Валентин Фёдорович подробно описывает 2 февраля 1949 года: *«Повторяли выученные уже буквы. Я вызывал каждого ученика по отдельности и показывал только ему одному картонку с той или иной буквой. Если он называл её, то я поворачивал картонку лицевой стороной к классу, и все повторяли её название. Если не называл, то ученики сами с места называли букву, когда я поворачивал к ним картонку. Этот способ рассчитан был на тщеславие ребят, и я не ошибся: он их заинтересовал. Им оказалось любопытно, кто сколько знает букв: 4, 8 или все 15. Говорил я им – и «на сколько» (на 2, 3, 4) кто из них отвечал. Процедура показывания букв проходила при живом и сосредоточенном внимании всего класса».*

Умелое сочетание индивидуальной и коллективной работы, проговаривания одним учеником и повторения хором положительно сказались на качестве

знаний: *«Убедился, что заведённая мною третьего дня система повторения букв... оправдывается: каждый из учеников знает уже гораздо больше букв, чем раньше».*

Несмотря на то, что обучение цыган проходило под пристальным наблюдением завуча и директора (они то и дело заглядывают в класс, интересуются достижениями и проблемами, находятся в курсе текущих событий), Булгаков гибко относился к процессу обучения: мог внести коррективы в программу, очерёдность и содержание уроков. Это было продиктовано и целесообразностью, и обстоятельствами. Экспериментальные наблюдения как-то привели его к мысли о том, что молодые цыгане, в силу национальных и возрастных особенностей, могут продуктивно трудиться только 2 урока подряд. Потом терпение и усидчивость заканчиваются, начинают баловаться. Нарушения дисциплины идут по нарастающей, как снежный ком:

«На третьем уроке – арифметике – уже определился перелом. Одним «надоело» писать примеры на сложение, другие начали смеяться, переговариваться по-цыгански, толкаться, ссориться (нотации действовали только на самое короткое время), наконец, к концу урока разыгрался грандиозный скандал».

Чтобы предотвратить подобное, учитель стал, по возможности, варьировать школьную программу, менять местами уроки, чередовать разные виды деятельности. Но это были лишь «косметические» процедуры.

На самом деле, в Западной школе, как и в любой другой советской, существовала нерушимая традиция: образование всегда шло рядом с воспитанием. Последнее включало в себя чёткие правила поведения, нормы общения обучающихся с администрацией и классными наставниками, регламентированный внешний вид школьников и даже элементарные гигиенические требования. Накануне учебного года всё приводили в порядок одежду, мальчиков коротко остригали. А во время учёбы преподаватели не ленились напоминать о необходимости мыть руки, содержать себя в чистоте, не считали излишним делать замечания:

«Говорю о том, что нужны чистота, опрятность. «Иначе русские будут смеяться над вами». Нельзя ходить с оборванными пуговицами у рубах и с открытой грудью».

Некоторые из этих незыблемых школьных правил, допустим, обязательную мальчиковую стрижку «под ноль» или запрет на ношение украшений, Валентин Булгаков считал чистой формальностью, которая не в силах ни помешать, ни положительно повлиять на учёбу. Зато такая мелочь всерьёз может испортить репутацию учителя:

«...требования чисто – формальные и ни на чём, по существу, не основанные. Выглядеть же, в глазах своих учеников, глупее их мне, конечно, не улыбается!..»

«...Не носить кольца? Я потом сказал об этом ученикам, а Васька тут же при мне поцеловал свой огромный серебряный перстень, с розовой бляшкой и какой-то эмблемой на бляшке, и заявил:

– Никогда в жизни я с ним не расстанусь!

Что делать? Выгонять его из школы?».

Тема формализма в обучении, нетерпимости к шаблону, зубрёжке, пассивному состоянию учеников была одной из излюбленных и жгучих для В.Ф. Булгакова. Мимо неё он не мог пройти на протяжении всей жизни, не давала она ему покоя даже в студенчестве. Так, в «Автобиографии» (1911) он объясняет свой уход из Московского университета не столько увлечением идеями Толстого, сколько формальным отношением педагогов МГУ к своему делу, к студентам, отвлечённостью преподаваемых предметов от реальности:

«А надо сказать, что университетская философия (я поступил на философское отделение историко-филологического факультета) ни на йоту не оправдала моих на неё великих упований; её отвлечённые умствования и полная отчуждённость от жизни были мне совершенно чужды. Я никак не мог увлечься той бесплодной умственной эквилибристикой, которой за приличное вознаграждение посвящают всю свою жизнь господа профессора. Да и вся система университетского образования была мне совсем не по душе. Формализм, сухость, отсутствие свободы, независимости духовного развития. Правда, как раз в год моего поступления была введена предметная система, но, право, на мой взгляд, это – только красивая одежда, прикрывающая безобразие ветхого, разрушающегося тела. Да, ничего, ничего не нашёл я в университете, что бы меня привлекло, захватило, заинтересовало».

Поэтому закономерно, что несколько страниц рукописи «Цыгане за учёбой» учитель-экспериментатор посвящает педагогическому совещанию, на котором был поднят животрепещущий для него вопрос. Он вспоминает, как в понедельник, 7 февраля 1949 года, «учитель физики **Б.П. Фалкин** выступил с докладом о формализме в преподавании». После директор школы попросил учителей принять участие в беседе, поделиться теми или иными соображениями из собственной практики.

«Я выступил и сказал, что можно говорить также о формализме в отношении учителя к детям, – пишет Булгаков. – Сослался на практику своего цыганского класса. Есть хороший и смирный мальчик, который не ходит в школу, потому что ему категорически предложено было остричь его кудри, а он не хочет. Что же, отталкивать его от школы только потому, что он не стриётся? Но не будет ли это формальным отношением к детям? Другой не хочет расстаться со своим любимым кольцом. Что же, отказаться и от него? Или – на общих занятиях, когда все сидят и пишут, увлечённые своей работой, вдруг кто-нибудь запоёт, – придавать ли этому серьёзное значение? Или надо считаться, хоть на первые

месяцы, со всем своеобразием и свободолюбием цыганской природы, и не очень теснить детей?»

Отстаивая собственную точку зрения, Валентин Фёдорович сознательно идёт на конфликт с администрацией, *«бросает вызов нашему милому директору, вызов, кажется, нашедший одобрение у слушателей-учителей»*. Он не может иначе, ведь выразить и отстоять свою позицию – это принципиально. Твёрдость и непреклонность приносят результаты: *«В своём заключительном слове Н.М. Зайцев ответил и мне, и... уже сделал некоторую скидку со своих первоначальных требований: продолжая настаивать, что надо поднимать цыганских детей до уровня русских и добиваться выполнения ими всех школьных правил, он признал, что в некоторых случаях можно делать им и уступки, и что это – уже дело такта преподавателя: ему на месте виднее, что нужно предпринять в том или ином случае»*.

Таковыми «уступками» со стороны Булгакова было не только лояльное отношение к неформальным стрижкам или ношение украшений, но и взгляд на опоздания и нецензурную лексику.

Опоздания Валентин Фёдорович не считал важной причиной для отлучения от урока: *«Выгонять за опаздывание из класса, то есть наказывать за опаздывание продлением этого опаздывания или же отсутствием на всём уроке, органически не могу, как не делаю это и в 5 классе со своими учениками по немецкому языку. Опоздал? Спешу занять своё место и учись!..»*

То же касалось и нецензурной брани. За неё никто не выдворялся из класса. Учитель лишь делал замечания, иногда – игнорировал. Но – главное – сосредотачивал своё внимание на работе по развитию речи и обогащению словарного запаса, а не ставил акценты на присутствии сквернословия как такового. Однажды, догадавшись, что в тексте скрыт неприличный для цыган смысл, он не побоялся спросить их об этом. Получив утвердительный ответ, полностью отказался от стихотворения, заменил другим, потому что знал: никто из присутствующих не сможет серьёзно воспринимать прочитанное, тем более – декламировать.

Никаких уступок, тем более – упущений, не могло быть только в патриотическом воспитании школьников. Вот почему с лёгким волнением и тревогой Булгаков «прощупывает» уровень политической подготовки 1 Г, экзаменует первоклассников на знание имён и изображений советских вождей, ведёт беседы о ведущей роли Сталина в стране, читает рассказы о Ленине, разучивает Гимн СССР, который цыгане поют с большим удовольствием...

Выступая вместе Толстым против формализма, подавления личности ребёнка, его инициативы и самостоятельности, Булгаков ясно представляет и другую сторону ученической «свободы» – разнузданность, отсутствие дисциплины, вседозволенность. Всё это он прочувствовал на собственной «шкуре»: главные принципы толстовской «педагогики ненасилия», идеи независимости и самостоятельности молодого поколения с треском разбивались о школьные будни.

Несознательность и внутренняя незрелость юных цыган не давала возможности организовать полноценное обучение. Объяснение этому Булгаков находил в национальном цыганском характере, бурном темпераменте. Он считал, что свободолюбие, играющее в крови, никак не изжить. Оно фактически стало синонимом жизненной беспечности, цыганской бесшабашной «лёгкости», синонимом несдержанности и неумения владеть собою. Это выражалось и в большом, и в малом: неаккуратности посещения занятий, драках на переменах и уроках, опозданиях, воровстве, игнорировании домашних заданий... Даже первый день в школе не стал исключением:

«Все мои ученики были извещены о начале занятий накануне. Я был убеждён, что они сойдутся уже за полчаса или даже за час до начала урока, назначенного на 8-30. Но вот минуло 8, и 8-30, а цыган – нет как нет!»

Оказалось, причина опоздания – «уважительная»:

«– Пьяны были! – отвечают ребята с обезоруживающими улыбками.

– Как так пьяны были?! Почему?!

– Вчера у нас был праздник... Напились... Сегодня проспали...»

Апофеозом разнузданности и анархии стали перемены, проходившие без учителя. Они, как правило, превращались во всеобщую потасовку, переходящую в невероятные «бурсацкие» сцены:

«...я не остаюсь в классе во время перемен, как это у нас рекомендуется и дажеполагается. А между тем несдержанность цыган и соблазн войнишек с русскими, которые бесперечь толпятся около цыганского класса, доводят моих учеников до Геркулесовых столбов. Сегодня я вошёл в класс в конце третьей перемены, – что только там творилось! Все скамейки перевёрнуты, столы сдвинуты с места, на одном из столов вертится в цыганском танце 6-летняя девчушка, ребята все дерутся между собой, в руках у них – ножи, то игрушечные, деревянные, то настоящие, стальные. Гром и рёв был страшный, несусветимый!» (подчёркнуто В.Ф. Булгаковым. – Т.Е.).

Цыганские дети пляшут на московских улицах. Репортажная фотография 1925 года

Тем не менее, Булгаков не только терпеливо разнимал драки, но и всегда выяснял их причины. Он старался докопаться до сути хороших и неприятных поступков своих подопечных, потому что помнил: педагог должен постичь своего ученика, узнать секреты его личности, проникнуть в психологию. Таким образом, применял индивидуальный подход к детям, о котором бесконечно напоминал Лев Толстой.

Разгадать своих учеников, постигнуть действительные движения их внутреннего мира Валентин Фёдорович пытался, прежде всего, через выражения детских лиц. Заглядывая в них, находил точные слова для описания психологического состояния ребёнка:

«Собралось 7 человек. Без Степана. Но с Дмитрием: физиономия – деланно-виноватая»...

«Спрашиваю у Славы: почему давно не ходил в школу? В ответ – опущенное и какое-то замершее в некрасивой гримасе лицо и невнятное бормотанье... Разбаловавшийся и опустившийся Славка перестал походить «на самого себя».

«– Мер-за-вец! – выразительно, при общем молчании, сказал один цыган, когда я рассказал, как выгнанный из класса Дмитрий три раза приходил, чтобы помешать нам заниматься.

Дмитрий был тут же. Физиономия – «скромная» и святошеская»...

«Чтение по лицам» и анализ поступков позволили Булгакову без стеснения перед собой и своими читателями давать в «Цыганах за учёбой» довольно меткие, хлёсткие, иногда – нелюбезные, характеристики первоклассникам: «Васька злой и умный», «тихий и мирный Бояр», «Бояр-истерик», «толстяк Бояр Самуилович»,

«красавица 16-летняя девушка», «новый мальчонка оказался очень горячим и болтливым», «паршиво и зло хохочущие ребята», «милый, тихий, прилежный и знающий Андрюша» и др. Но не только им. Строгий и бескомпромиссный учительский вердикт ждал и само кочевое племя:

«Словом, безответственным, наделённым, вместе с «аристократизмом духа» (экзотичностью), самыми ограниченными духовными и материальными потребностями, отъединённым от мира и потому, в борьбе за своё существование, изолгавшимся и изворовавшимся, цыганам школа многого не даст».

Постепенно, страница за страницей, над исповедальным текстом Булгакова возникает целостный образ самого автора – Учителя, личности сильной и самодостаточной. Терпеливый, понимающий, умеющий прощать, гибкий, не склонный к формализму, отнюдь не «мягкий», очень наблюдательный, сдержанный, с чувством юмора и несгибаемым внутренним стержнем... – таким предстаёт перед нами Валентин Фёдорович Булгаков. Для многих – человек не вполне удобный, не укладывающийся, как и его ученики-цыгане, в прокрустово ложе школьного регламента. Он умеет сказать «нет», правильно преподнести собственную точку зрения и отстоять её. Это смелый исследователь, способный на седьмом десятке взяться за рискованный и дерзкий эксперимент. Он легко может бросить вызов руководству, поставить под сомнение существующие порядки, но никогда не поступится общечеловеческими ценностями, никогда не пожертвует опытными данными по указанию сверху или для собственной выгоды.

И ещё – он изумительный рассказчик. Несмотря на локальность темы, его учительский дневник читается легко и с большим увлечением. Это выразительная, экспрессивная, захватывающая летопись провинциального учебного заведения и его обитателей. Автор мастерски живописует колоритные картинки из школьных будней, умеет «подогреть» интерес, развить действие, создать почти из ничего важное событие. И хотя жанр дневниковых заметок изначально создаётся как письмо «для себя», литератор нет-нет да и вспомнит о своём потенциальном читателе:

«Но только смешно, что я описываю столько драк. Постараюсь больше этого не делать: о цыганских драках возможный будущий читатель этих записок получил, надеюсь, уже достаточное представление».

В конце дневника мы узнаем о тех плодах обучения, которые созрели в цыганском классе, об «активе» и «пассиве», как выражается Валентин Булгаков. Отвечая на вопрос «в чём цыгане преуспели?», летописец школьных дней перечисляет: «чуть-чуть дисциплинировались», «узнали 20 букв алфавита и научились, в пределах этих 20 букв, как читать, так и писать», «улучшили несколько свои знания по счёту (сложение и вычитание в пределах 10), а, главное, научились читать и писать все цифры», «полюбили рисованье», «приучились к рассказыванию», «сделали первую попытку пения тихого и выразительного», «познакомились с азбукой физкультурных упражнений», а также «с некоторыми явлениями природы и географии,

остававшимися им абсолютно неизвестными», «немного приучили к себе среду русских ребят»...

«А пассив остаётся ещё таким огромным, что даже страшно о нём и думать!» – вздыхает педагог. При этом его взгляд проникнут верой в творческие силы и способности детей, надеждой на возможности их развития. Но раскрыться они смогут, по мысли Булгакова, только вне цыганского табора, при полном отречении от вольнолюбивого образа жизни:

«Цыгане могли бы учиться. Жажда учиться у них есть. У некоторых есть и способности. Но чего не хватает им, это – усидчивости и устойчивости в своих желаниях. Два дня походил в школу, неделю не ходил, – это у них очень просто! Или посреди занятия русским языком или арифметикой – вдруг: «давайте споём!» Один затягивает, другие подхватывают... Отдельным способным ребятам (Пете или Ване) трудно выдираться из тяжёлой среды и пробираться вперёд, – разве, если бы государство или какое-нибудь частное лицо отобрало их у родителей и совершенно обеспечило. Да и то неизвестно, не сыграла ли бы над ними злую шутку их непоседливость, и не выкинули бы они среди ученья какого-нибудь грандиозного скандала и не убежали ли бы снова «в шатры»!».

Педагогический эксперимент в Тульской области показал, что «привязать взрослых цыган и их детей покрепче к школе очень трудно», ведь «проделать учебный год до конца цыгане не могут: весна – и они снялись с места, отправившись кочевать». Поэтому «дотянуть» знания цыганят до уровня русских детей (о чём мечтали директор и завуч) – нереально. Школа для учащихся спецкласса, считает В.Ф. Булгаков, «должна быть забавой: без утомления, с частыми отдыхами, с песнями, пляской и драками между уроками, а, если можно, то и на уроках». Иначе не будет создана благоприятная для них обучающая атмосфера. Иначе будет невозможен сам процесс обучения. И тогда ещё сильнее истощатся учительские нервы, на которых, собственно, всё и держалось:

«Общение с цыганятами не даётся мне даром...», «Мне и час-то с цыганятами даётся тяжело...», «Нервы учителя – орудие обделки и культивации цыганского материала. Всё, всю их дикость и разнузданность эти нервы должны принимать в себя, переносить и преодолевать. Так что приходится действовать не только учебниками, но и своею личностью. На ребят её хватает, хоть и очень страдают нервы от острых углов в их темпераментных характерах и поведении».

Энтузиазм, терпение и нервы педагога не беспредельны. И очень горько, что эмоционально опустошённый Булгаков, анализируя связи «учитель-ученики», вынужден констатировать: «Они не выносят и меня, как педагога, хотя о моей «мягкости» мне здешние учителя все уши прожужжали, и хотя, какой бы я ни был, я люблю своих учеников. Но им нужен учитель-фельдфебель, который бы крепко держал их в своём кулаке» (подчёркнуто В.Ф. Булгаковым. – Т.Е.).

Он понимает, что для позитивных изменений в отдельно взятом цыганском классе требуется неосуществимое: «Надо чтобы цыгане оставили кочевой образ жизни, серьёзно взялись за труд, жили на одном месте, вели хозяйство, не крали, не лгали, мыли ежедневно руки и лицо, ходили бы хоть раз в месяц в баню, и в том же духе воспитывали своих детей, чтобы школа стала серьёзным фактором как в жизни молодёжи, так и в жизни цыганской семьи вообще». Только тогда цыгане будут полноценно интегрированы в современную жизнь, а получение знаний для них станет каждодневной, насущной потребностью.

В.Ф. Булгаков в последние годы жизни.

Любительское фото. Фонд музея Достоевского

Рукопись «Цыгане за учёбой» завершается открытым финалом. За плечами педагога-экспериментатора – бесценный опыт, требующий серьёзного осмысления. Сложный эксперимент закончен. Во всяком случае, для него: «Мне кажется, что судьба нашей школки уже определилась, и что я в достаточной степени узнал среду милых «чавалов»».

Пути учителя и воспитанников расходятся. И если в обучении всё шло не совсем так, как задумывал наставник, стоит ли всегда искать виновного? Возможно, просто пришла пора отпустить ситуацию и, наконец, расслабиться, вдохнув полной грудью свежего воздуха:

«...Прогулка. Хотелось прогнать дурман цыганских сцен. На обратном пути присел в лесу у хижинки. Солнце. Капель. Весна улыбается издали!.. Сколько ещё работы впереди! Жизнь бесконечна. Пойдём же своей дорогой, всё вперёд и вперёд! Пока не падём, и пока не сменят нас в работе другие, над воспитанием и образованием которых мы теперь трудимся».

Елена ТРУХАН,

заместитель директора по научной работе

Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского,

г. Новокузнецк, Кемеровская область